

тать. Чем больше внимания оказывается тому, что он делает, тем лучше он будет работать. Это очень нехитрые законы, но они дают результат. Если бы это была теория, можно было бы спорить. Но вы можете выйти из моего кабинета и посмотреть, как все работает по этим законам.

- Это началось при Юрии Владимировиче?

- Началось при Юрии Владимировиче, хотя, в принципе, этот цирк всегда был достаточно культовым местом для артистов - не потому, что это Москва, а потому что здесь всегда начиналось основное творчество. Здесь по-разному в разные годы - но в общем к артистам всегда относились достаточно уважительно. Этому Марк Соломонович Местечкин способствовал, Арнольд, Юрский, Крымко. Здесь люди работали серьезные, интересные и светлые. И пика все это достигло при отце в силу его энергетики, его доброты. Он не ставил себе задачу создать эту атмосферу. Она создавалась сама собой, благодаря силе его личности. И благодаря тому, каким он был человеком. Ведь в присутствии человека честного неловко вести себя подло. Можно, но неловко. Проще жулика обмануть, чем человека доброго и открытого. И потому здесь работают люди уникальные.

- Черт возьми, как здорово звучит!

- Да, это мои сотрудники. Я ими горжусь. Они же меня делают. Вот был

такой Юрий Дмитриевич Летунов, главный редактор редакции информации на телевидении, человек, который придумал программу «Время». И он все время занимался тем, что пробивал своим сотрудникам разные звания, лауреатство и прочее. А потом говорил: «В моей редакции десять лауреатов Госпремии! Это вам что-нибудь говорит?» Все правильно. Так все должно быть. Среди моих артистов 10 наррдных артистов России. И это молодые артисты. Не ветераны, которые получили все давно, - сегодняшние ребята.

- Когда вы приходите на работу и садитесь - сейчас только не перепутать бы мне - на кресло Саламонского и за стол Саламонского, флюиды какие-то идут? Вы же их добыли, вы же их поставили тут, вы же их любите?

- Ну конечно. Во-первых, это история. Во-вторых, все это теплые вещи. От них идет энергетика позитивная. Не потому, что я себя считаю продолжателем дела Саламонского...

- А почему нет?

- Нет, продолжаю, конечно, в определенной последовательности. Но люди любят старые вещи не потому, что они дорого стоят.

- То есть вам тепло от них? Это главное?

- Да, мне нравится мой кабинет.

- Судя по тому, что я поняла про ваш цирк, он вообще теплое место. Это существенно для вас?

- Я бы не стал работать в месте, где мне было бы некомфортно. Неважно, цирк это или не цирк. Где работать неудобно, там и не работает. И потом здесь все другое. Здесь - вы заметили? - все здороваются друг с другом. Неважно, знакомы или нет. Есть какое-то осознание себя в этом доме, в этом мире как человека отмеченного. Не просто рядового. Не важно, кто это: билетер, вахтер или артист и директор. «Я работаю в цирке на Цветном бульваре» - я не такой, как все. Все непросто. Я сейчас не позиционирую храмовость этого места, но для артиста цирк на Цветном - это храм. Артисты собираются, и начинаются рассказы. В цирке это называется - «дежурство». Ля-ля-ля.

- А вы часто «дежурите»?

-- В командировку когда ездим. Здесь некогда. А когда в поезд сядешь... Тоже нечасто, чаще в самолет. Но по России. А в Чебоксары вообще ничего не летает. Вот две картины у меня стоят. Это клоуны. Их написал японец, художник-инвалид, очень известный в Японии. Он в коляске - парализованный - и пишет. И вот в последние наши гастроли он принес эти картины в подарок цирку. Нам саблю подарили от имени чеченского народа. Пришли люди из ФСБ, спрашивают: «А разрешение есть?»

*беседу вела Анна Степанова
при участии Ольги Грошевой*

